

О ЦЕННОСТНО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ АРГУМЕНТАЦИИ

Г. Г. ШАКАРЯН

Вряд ли подлежит сомнению теоретическое значение осмысления исторического факта с тем, что проблема субъекта оказалась одним из наиболее слабых мест в разрабатываемой теории аргументации. Между тем именно эта проблема стала важнейшим аспектом того гуманитарного элемента функционирования знания, который стал главным основанием для перерастания логико-гносеологической процедуры обоснования знания в теорию аргументации. Правомерность подобного утверждения может быть оправдана, по крайней мере, на примере перелмановского варианта формирования теории аргументации. Рассматривая последнюю как новую риторику, Перелман принципиально отличает её от формальной логики в качестве искусства доказательства, пусть даже убеждения, независимо от своеобразия аудитории или объекта самого доказательства¹. По его мнению, в логико-философских процедурах обоснования истинности некоторого знания в качестве аудитории выступает человечество вообще. Разумеется, в подобном контексте проблема субъекта чуть ли не превращается в своеобразный элемент логической процедуры доказательства или опровержения некоторого утверждения. Для разработки теории аргументации Перелман предлагает иной подход к определению субъективно окрашенной аудитории: «Если определить аудиторию для развития теории аргументации, то следует её рассматривать как общность тех, на которых хочет повлиять оратор своей аргументацией»². Конкретизация этой общности далее сводится скорее к профессиональным группам, где участь философии и философской аргументации оказывается «в бесконечно трудной ситуации»³, поскольку своеобразие рассматриваемого объекта вынуждает философа обращаться «ко всем людям», сглатывая-таки к универсальной аудитории.

Тем не менее уже твёрдое убеждение Перелмана, да и других основателей теории аргументации о включённости в состав аргументации наряду с логико-гносеологическими процедурами ценностного параметра, хотя бы в виде потребности убеждения или разубеждения, явно предполагает дальнейшую конкретизацию самого субъекта аргументации, и не явно, что не менее важно, — наличие определенной логико-гносеологической его значимости в функционировании аргументации⁴.

¹ Ch. Perelman, *L'Empire rhétorique. Rhétorique et argumentation*. Paris, 1977, p. 19.

² Там же, 27.

³ Там же, 30.

⁴ Любопытно, что в явных обобщенных определениях аргументации по прагматическим соображениям могут вообще выпадать логико-гносеологические заботы о достоверности знания. (См. например, F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, T. Kruijger, *Handbook of Argumentation Theory. A Critical Survey of Classical Backgrounds and Modern Studies*. Foris Publications Dordrecht, Holland (Providence, U. S. A., 1987, p. 7).

В свою очередь, вырастая из традиционной теории познания, новые концепции формирования теории аргументации не только неизбежно сталкивались с неудобствами пренебрежения, даже подчас игнорирования субъекта в познавательном процессе, но и, преодолевая эти трудности, объективно способствовали корректированию места и роли субъекта и субъективного в познавательной, да и в человеческой деятельности вообще.

Наблюдая в русле этого процесса, прежде всего заметим, что «субъективность» человеческого существа столь же многообразна, как и сама деятельность. Субъективное выступает в составе субъекта собственности, нравственного или исторического процессов, юридических акций и прочего. В каждом отдельном случае это понятие подлежит экспликации. В частности, в одном из существеннейших отношений человека к действительности, в познании, субъект весьма многообразен благодаря непосредственной зависимости не только от многогранного спектра системы «субъект-объект», но и в ещё большей степени от столь же богатого соотношения «субъект-субъект». Глубокое своеобразие субъективного в познании заключено уже в факте принципиальной неразделимости познавательного отношения от ценностного, если даже речь идёт о самых, казалось бы, очищенных от субъективного поиска истины в ценностно-нейтральных естественных феноменах.

Тем не менее всегда и повсюду ищущий себя человек, оказывается, вдруг забыл про себя в своем самом родовом проявлении—в познании, что, видимо, следует рассматривать как некоторое самозабывание в процессе самопознания.

Вспомним, что основные вехи в эволюции представлений о субъекте познания в историко-философском процессе сводились либо к биологическим, либо к трансцендентальным его проявлениям, а по некоторым интерпретациям марксистского понимания—к человечеству вообще. Очевидно, что в этой тенденции сингуляризации исходным является абстрактный, ценностно-безликий человек, который способен служить субъектом не только познавательной, но и всякой деятельности. Между тем, не только субъект, скажем, права или субъект собственности по-своему определяет своеобразие права или собственности, но и право или собственность определяют своеобразие субъекта. Это замечание тем более существенно для познания, которое, быть может, является ещё более индивидуализированным, персонализированным проявлением человеческой деятельности. Вряд ли благодаря трансцендентальному субъекту или всему человечеству как некоторой перасчленённой целостности, а тем более общечеловеческим или общепсихологическим качествам человека стали бы возможными разнородные, подчас и противоположные проявления человеческой цивилизации. По крайней мере для познавательного процесса не очень-то плодотворными оказались попытки конкретизации субъекта в разнородных социально-философских доктринах. Попытки конкретизировать субъект в несомненно, важнейшем параметре человеческого феномена—в социально-экономических отношениях в марксизме привело к известному заслонению таких постоянно актуальных аспектов человеческого бытия, какими являются этно-национальная, индивидуальная или сугубо духовная его характеристики. Столь же малопродуктивным оказалось усиленное рассмотрение последних в отрыве от социально-экономического аспекта человеческого существования.

Между тем история цивилизации свидетельствует о том, что само человеческое отношение к действительности, как правило, определялось соответствующей структурой ценностных ориентаций субъекта познания. Иначе говоря, в силу изначальной ценностной нагруженности субъект познания определяется по строгому объективному критерию, а именно, по характеру его весьма конкретных земных интересов и по-

требностей. Именно последние делали возможным человечеству мыслить как социальное или профессиональное сообщество, как этнонациональная, региональная, иной раз даже расовая единица. А в нашу эпоху человечество стало реальным субъектом, точнее, одним из реальных субъектов познания. Только в эпоху глобального кризиса земной цивилизации, когда имманентная закономерность человеческого бытия «жизнь и смерть» превращалась в зловещую угрозу «жизнь или смерть» для всего человечества, последнее из абстрактного бытия превратилось в реальный субъект деятельности, в том числе и познавательной.

Коль скоро субъектом всякой деятельности, в том числе познавательной, выступают объединённые в общности в соответствии с определёнными интересами и потребностями люди, то конкретизация гносеологического субъекта предполагает его неизбежную аксиологизацию; исключена возможность преодоления абстрактного субъекта в познании без выявления его ценностного содержания. Иначе говоря, в реальной практике познания действует не гносеологический, а **ценностно-гносеологический субъект**. Оказывается, и здесь практический разум приобретает системообразующую значимость и делает возможным высвободить лишённого пространственно-временных параметров субъекта из своих многовековых биологизированных, социологизированных, психологизированных или логизированных одеяний.

Рассмотрение аргументации скорее как логико-гносеологического феномена молчаливо исходит именно из концепции абстрактного человека, концепция, которая вряд ли предполагает структурную, а тем более функциональную полноту аргументации. Создание целостной теории аргументации сделало ещё более очевидной необходимость её преодоления. Ведь аргументация выступает не только как одна из форм отношения человека к человеку, но и как одно из наиболее «человеченных», «субъективизированных» отношений между людьми (в отличие, скажем, от объективно-экономических или столь же объективно-биологических потребностей в человеческом общении). Аргументация — одна из тех процедур, где конкретность человеческого бытия, а следовательно, и потребность конкретного подхода к человеку приобретают наибольшую значимость; человек вообще как абстрактное существо никогда не был, да и в принципе не может быть ни субъектом, ни объектом аргументации. Аргументация предполагает обращение конкретного человека, как ценностно-гносеологического феномена, с его конкретными целями и задачами к столь же конкретному, но имеющему иные цели и задачи социально-гносеологическому субъекту. Какую бы форму она ни приобрела, аргументация предполагает различие в человеческом бытии, следовательно, и в мысленном его проявлении, и имеет целью преодоление этого различия. Тождество (бытия, целей, интересов) элиминирует необходимость аргументации. Чем глубже различия между людьми, их взглядами и мнениями, тем богаче не только детерминация аргументации, но и потребность умножения способов преодоления этого различия. Если по генезису аргументация предполагает различие между людьми (генетическая детерминация), то по целевому назначению (целевая детерминация) она нацелена на преодоление этих различий, на объединение людей, сближение разнородных концепций и мнений. Именно поэтому аргументацию следует считать одним из наиболее гуманных способов регуляции человеческих отношений (в отличие от внедуховных принудительных форм их объединения). Она более гуманна даже в рамках духовных отношений между людьми по сравнению, скажем, с логико-гносеологической процедурой регуляции духовных отношений, будь-то в науке или в повседневной жизни. Цель логико-гносеологической процедуры — установление истины вообще, которая, как правило, имеет **разнородную**, а подчас и противоположную значимость в разношёрстных социальных, этнических, региональных и иных целевых детерминациях, о чём может красноречиво засвидетельствовать

детельствовать, например, экологический кризис современной цивилизации, да и наблюдающаяся повсюду отчуждённость знания, как логико-гносеологического феномена, от его создателя. Целью же аргументации является не только доказательство истинности некоторого положения и не столько сна, сколько превращение ее во внутреннее убеждение собеседника, т. е. превращение истины в правду. Истина характеризуется объективностью содержания некоторого знания, в правде же предполагается некоторая соизмеримость отражения не только объективной, но и субъективной реальности. Истина, как правило, ценностно безлична; правда же — человеческая истина. Правда помимо объективности её содержания предполагает некоторую значимость последнего для соответствующих социально-этнических образований. В правде истина снята, конкретизирована, обогащена целевой детерминацией, дабы сделать её пригодной для конкретно-человеческого потребления. В правде истина перестаёт быть только гносеологической ценностью и превращается в прагматологический-гносеологический феномен. Подобное выведение истины из своей абстрактно-нейтральной скорлупы и подчинение порой даже противоположным целям и установкам неминуемо предполагают её субъективизацию, без которой вряд ли возможно её рациональное функционирование. Заметно, что рациональное измеряется не только логико-гносеологическими, но и ценностными параметрами. Традиционно подобное обогащение детерминации функционирования истины рассматривается как её обеднение в гносеологическом плане, т. е. субъективное рассматривается только лишь как негативный гносеологический фактор, если не главный источник заблуждений. Согласно этой точке зрения, уже наличие субъективно-ценностного элемента в структуре аргументации способно лишать её таких объективизирующих основ, какими являются твёрдые правила логического доказательства, а тем более гносеологические требования истинности суждений. Тем не менее подобного рода опасения ничуть не помешали человеку — субъекту всякой аргументации в течение тысячелетий развития цивилизации (которое, кстати, реализовалось и с помощью самой аргументации) руководствоваться прежде всего требованиями и интересами некоторых социальных групп, национально-этнических, государственных, региональных, профессиональных образований, интересами даже индивидуально-личностного, т. е. наиболее субъективного характера. Абстрактный логицизм или подобная ему абстрактная гносеологическая любознательность редко когда определяли форму, тем более содержание человеческой интеллектуальной деятельности. Не человек создан для логики или истины, а истина и логика призваны служить и покорно служили человеку. Именно этот доминирующий в мыслительной и практической деятельности «субъективизм» вечно корыстолюбивого человека служил основой не только создания всевозможных гносеологически малонадёжных теорий о человеческом феномене — царстве субъективных интересов, но и истинной побудительной силой создания самых признанных объективно-научных учений всех времён, в том числе о ценностно-нейтральных естественных объектах. Уже этот факт делает необудительным предположение о том, что с появлением человеческих интересов наука покидает зыбкую логико-гносеологическую почву рационального мышления, что человеческие потребности и интересы оказались лишёнными логико-гносеологических параметров отражения, а следовательно, и критериев. Ассоциирование интересов с субъективизмом в качестве отрицательного фактора в логико-гносеологических заботах обеспечения объективности знания означает лишение этих важнейших стимулов человеческой деятельности гносеологической значимости, рискуя тем самым нарушить принципы развития и преемственности отражения в эволюции материальных систем.

Кажущаяся аномалия в процессе развития адекватности отражения на социальном уровне организации материи элиминируется как только гносеологическая значимость интересов рассматривается в качестве регуляторов соизмеримости субъективных потребностей и объективных условий их реализации. Дело в том, что в потребностях, интересах, идеалах, целях и других ценностно-духовных феноменах отражаются не просто сами внешние условия в качестве некоторой предметной реальности, а данная предметная реальность в оценке человека и иных социальных или этнических сообществ. Тем самым отражается и субъективная реальность. Благодаря этой двойственности природы человеческого познания последнее является и самопознанием. Да и всякая рефлексия в некоторой мере является также саморефлексией. В частности, интересы, третируемые в теоретической мысли как главный источник неадекватного отражения действительности, являются гносеологической ценностью уже в силу отражения некоторой реальности, а именно — внутренней потребности данного социально-этнического или другого субъекта, а также условий, в том числе объективных, для их реализации. Тем самым появление интересов следует рассматривать как закономерный результат многозковой эволюции способности отражения, обуславливающий образование специального механизма на уровне социальной организации материального мира для регуляции соизмеримости субъективных потребностей и объективных условий их реализации. Подобная гносеологическая функция интересов обеспечивает их приоритетность в качественно новой человеческо-сознательной форме отражения, а прежде всего в его сердцевине — в сложном механизме образования целеполагания. Это означает, что с переходом в мир интересов мы не только не покидаем почву объективности, но и обогащаем её. Реальное доминирование субъективной реальности над объективной, т. е. первенство первой над второй вряд ли следует воспринимать как ущемление гносеологических приоритетов последней. В действительности речь идёт об обеспечении в человеческом познании гносеологической и праксиологической соизмеримости этих реальностей, не только об адекватности их отражения, но и целенаправленной оценки потребностей и соответствующих условий их реализации*. Именно на этом уровне отражения происходит формирование ценностных установок, изучение механизма которого имеет как теоретическое, так и практическое значение для регулирования структуры целеобразования и рационализации человеческих потребностей.

Преодоление гносеологических предубеждений, отождествляющих субъективное с заблуждением, имеет принципиальное значение для гносеологической реабилитации праксиологической направленности аргументации в качестве важнейшего средства воссоздания целостности знания, его обогащения современным социально-ценностным содержанием. Именно раскрытием гносеологической значимости ценностного элемента в структуре аргументации можно выявить её прикладное значение особенно в анализе теоретических и практических проблем сложных социально-этнических феноменов современности.

Естественно, приоритетность ценностного элемента в структуре аргументации никак не означает элиминацию в ней логико-гносеологического аспекта, тем более, когда речь идёт об адекватности объективно-фактуального её содержания. Аргументация имеет дело не только с истиной как логико-гносеологической ценностью, но и как с социально-нравственной ценностью. Именно в этом качестве истина приобретает окончательно-конкретную форму, а следовательно, и истинно-практическую ценность. Как бы ни старались, всевозможные логико-гносео-

* См. об этом более подробно Г. Г. Шакарян. О гносеологической значимости ценностного. — Вестник Ереванского университета, 1988, № 1.

логические процедуры уточнения знания далеко не достаточны для его целесообразного функционирования. Именно ценностно-субъективные параметры позволяют знанию корректироваться даже в логико-гносеологическом плане, дабы проявить свою прагматическую значимость. Немало открытий в науке, начиная с открытия парового двигателя в античности, оказались преходящими не потому, что не обладали они логической стройностью или грешили гносеологическими недугами, а прежде всего потому, что страдали ценностной неоправданностью. Ценностное обладает логико-гносеологической значимостью уже в силу своих возможностей коррекции логико-гносеологических параметров знания. Отсутствие этого компонента весьма затрудняет, если не исключает возможность нормального функционирования знания. Именно подобное соотношение ценностного и логико-гносеологического компонентов в структуре аргументации позволяет делать вывод о том, что **аргументация является скорее ценностной, чем логико-гносеологической процедурой** в функционировании знания. Логическая доказанность или гносеологическая адекватность, будучи сами по себе важным условием аргументированности, далеко не обеспечивают её полноту и благокачественность. Именно ценностная направленность функционирования знания выступает интегративным началом для рационального снятия логико-гносеологических процедур. Логическая непротиворечивость или гносеологическая адекватность являются скорее **средством** для реализации высшей цели аргументации—целенаправленного изменения устроения конкретного субъекта.

Հր. Գ. ՇԱՔԱՐՅԱՆ—Արժեքային և տրամաբանական-իմացարանական բաղադրամասերի հարաբերակցությունը փաստարկման կառուցվածքում.— Հողվածում հիմնավորվում է այն դրույթը, ըստ որի բացառվում է իմացության պրոցեսում վերացական սուբյեկտի հաղթահարումն առանց բացահայտելու վերջինիս արժեքային բովանդակությունը և որ գիտելիքի գործառույթյան պրակտիկայում գործում է ոչ այնքան իմացարանական, որքան արժեքային-իմացարանական սուբյեկտը: Նման մոտեցումը հնարավոր է դարձնում պլենդել, որ փաստարկումը շատ ավելի արժեքային, քան թե իմացարանական-տրամաբանական պրոցեդուրա է, որ տրամաբանական ապացուցվածությունը կամ իմացարանական համարժեքությունը, փաստարկման կարևորագույն բաղադրամասեր լինելով հանդերձ, անկարող են ապահովել փաստարկման լրիվության պահանջը և միայն անհրաժեշտ պայմաններ են հանդիսանում փաստարկման գերագույն կոշման, այն է՝ կոնկրետ սուբյեկտի հոգեվիճակի նպատակասլաց վերափոխման համար: